

к кастам, доминировавшим в сельских общинах) и обеспечение изъятия у деревенской аристократии части прибавочного продукта, предварительно выжатого последней у низших трудовых слоев общины. (Кудрявцев М. К. Указ. раб.; Алаев Л. Б. О характере общественного строя средневековой Индии // Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973. С. 110—129; *его же*. Сельская община в Северной Индии. С. 134—219; *его же*. Народные движения XVII—XVIII вв. в Индии в освещении советских индологов // Общественные движения и их идеология в докапиталистических обществах Азии. Тезисы научной конференции. М., 1984. С. 3—4).

Г. Е. Арешян

**К ОБОСНОВАНИЮ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ
В ДРЕВНОСТИ**

**(этнокультурные связи Юго-Восточной
и Центральной Европы
с Армянским нагорьем и Южным Кавказом)**

Исследование взаимодействия культур дописьменной древности ограничено возможностями разработки археологических источников и лингвистических реконструкций. При этом археологический анализ различных способов взаимодействия, таких, как аккультурация, заимствование, миграция, торговый обмен и др., как правило, не основывается на единых теоретических и методологических принципах. Не составляет исключения и неоднократно проводившееся в этом аспекте сопоставление различных археологических памятников Кавказа и Армянского нагорья с находками из бассейна Дуная и Балканского полуострова.

Вскоре после первых раскопок кобанских могильников Кавказа и могильных полей раннего железного века в Армении и Восточной Грузии в последней четверти XIX в. видные археологи того времени Э. Шантр, М. Гернес, Г. Вильке, О. Монтелиус, Ж. де Морган и др. отметили определенное сходство некоторых кавказских находок и европейских древностей. В дальнейшем исследователи, рассматривавшие в свете данной проблемы материалы позднего бронзового и раннего железного веков, отмечали все новые аналогии между кобанской культурой и памятниками Подунавья и Болгарии (Ат. Милчев, Д. Газдапустаи, В. И. Козенкова). Я. Харматта, А. А. Иессен и Е. И. Крупнов изучали связи гальштатской и кобанской культур в свете киммерийской проблемы.

Почти одновременно с установлением аналогичности артефактов Кавказа и гальштатской культуры Центральной Европы К. Ф. Леманн-Гаупт выделил значительную группу памятников урартской металлопластики, обнаруженных на территории Греции и Италии, интерпретации которых впоследствии был посвящен ряд работ Б. Б. Пиотровского.

Памятник среднего (по номенклатуре переднеазиатской археологии) бронзового века в аспекте культурных связей Армянского нагорья, Кавказа и Европы стали рассматриваться значительно позднее. За исключением работ Ж. Дешелетта и А. Захарова, написанных в 1910—1920-х годах, основная часть критских и микенских параллелей памятникам Армении и Грузии среднего бронзового века была отмечена Б. А. Куфтиным и Б. Б. Пиотровским, а позднее О. М. Джапаридзе и автором настоящей статьи.

Вопрос о связях культур Армянского нагорья и Южного Кавказа с Юго-Восточной Европой в раннем бронзовом веке, а также на рубеже раннего и среднего бронзового веков рассматривался на более ограниченном материале и нашел отражение в исследованиях Ж. Дейе и А. И. Джавахишвили.

Отдельные аналоги в археологических материалах Кавказа и Армянского нагорья, с одной стороны, и Юго-Восточной, а также Центральной Европы — с другой, отмечались и в ряде других публикаций. Все эти работы, в том числе и исследования автора настоящей статьи, имеют одну общую черту: аналогичность археологических памятников рассматриваемых регионов в каждом случае может быть одновременно объяснена действием всех возможных, предполагаемых или воображаемых исторических причин — конвергентным и синстадиальным развитием культур в схожих условиях среды, влияниями, миграциями, торговым обменом, войнами с захватом добычи, диффузиями, сегментацией культуры, единством традиций, общностью культурно-исторического региона, этническим родством и, наконец, случайными совпадениями. Объяснять каждый конкретный факт столь обширным спектром качественно различных факторов — значит ничего не объяснить. Историческая интерпретация становится невозможной, если не удастся установить главный фактор (или хотя бы разделить главные и второстепенные факторы) формирования или развития конкретного явления.

Невозможность верификации предложенных до сих пор исторических объяснений фактов, отражающих древние связи Кавказа и Армянского нагорья с Южной и Центральной Европой, вызвана среди прочих двумя существенными причинами: 1) отсутствием в указанных работах теоретического обоснования закономерностей отражения культурных взаимодействий археологическими источниками; 2) узостью хронологических рамок исследования, что приводило в каждом отдельном случае к рассмотрению аналогий лишь одной эпохи (ранний бронзовый либо средний бронзовый век; кобанско-галыштатские либо урарто-средиземноморские параллели и т. д.). Между тем совершенно очевидна необходимость преодоления такой ограниченности как в плане применения и развития определенных теоретических положений, так и в отношении максимально возможного расширения исторической перспективы.

Анализируя сущность типологической аналогии в археологии, следует особо подчеркнуть качественное различие между аналогичностью элементов (признаков) ¹ артефактов и аналогичностью типов. Одно из существенных различий между элементом и типом артефактов заключается в том, что элемент артефакта отражает специфический реальный показатель, который не мог существовать в культуре отдельно от функционировавшего предмета или явления, тогда как тип, представляющий собой синтетический конструкт, некую усредненную модель, отражает и обобщает группу именно дискретных, самостоятельно существовавших, функционировавших предметов или явлений культуры. Археологические типы могут конструироваться также и в порядке обобщения классов тех или иных функционально, либо символически значимых частей артефактов.

Столь же большое значение имеет и выявление на основе определенных критериев степени аналогичности, варьирующей как в археологических элементах, так и в типах, от почти полного тождества до отдаленного подобия. Аналогичность элементов археологических артефактов разных регионов может являться не только следствием культурного взаимодействия, но чаще — результатом действия изофункциональных факторов, проявляющихся в сходных природных и социокультурных средах. Напротив, тип артефактов, всегда выступающий в качестве конструируемого обобщения устойчиво повторяющегося набора элементов, имеет в основе специфическую историю формирования класса объектов. В отличие от конвергентных элементов вероятность спонтанного возникновения аналогичных типов (т. е. повторяющихся комплексов элементов) в разных географических областях на несколько порядков меньше. Чем сложнее обнаруживаемый в разных регионах тип, т. е. чем большее число взаимосвязанных элементов в нем отражается (обобщается), тем вероятнее его распространение из одного центра. Количество же повторяющихся элементов, выявляемых в границе одного типа, зависит от степени совершенства, глу-

бины и точности исследовательских методик. На практике может предполагаться моноцентричность происхождения любого более или менее сложного археологического типа, а раскрытие ареальных параметров данного типа поставлено в зависимость от глубины исследования.

Предпосылкой культурных воздействий в континуальной синхронии является пространственное движение явлений культуры, которое осуществляется двумя основными способами: явление культуры либо перемещается вместе со своим носителем, либо передается от одного носителя к другому. В древности первый способ был обусловлен миграциями в широком понимании данного явления (мирные и насильственные эмиграции и иммиграции, вторжения, коллективные и индивидуальные переселения, перемещения целых этносов или их отдельных групп и т. д.). Типологии миграций посвящена обширная литература. Появились и успешные опыты типологизации миграций на археологическом материале².

Второй вид перемещения явлений культуры охватывает все способы их передачи от одного индивидуального или коллективного носителя к другому и может быть назван интерпортантной трансмиссией. Последняя включает торговый обмен, обмен производственными и бытовыми традициями и в целом все формы прямых и обратных культурных связей между индивидами или группами людей, сопровождающихся пространственной передачей явлений культуры.

Существеннейшей частью интерпортантной трансмиссии выступает обмен явлениями культуры в широком смысле термина, который может рассматриваться как относительно эквивалентный и неэквивалентный. Наиболее сложная система эквивалентного обмена находит выражение в процессе интеграции культур. Простейшим же выражением обменных отношений этого рода зачастую выступает торговый обмен. К разновидности неэквивалентного обмена относится значительная часть культурных заимствований; другая их часть скорее соответствует внеобменным формам интерпортантной трансмиссии. Диффузия культуры является по существу выражением реальных интерпортантных контактов между носителями различных культурных явлений. Со времен Эллиота Смита сложилась традиция противопоставления миграционизма и диффузионизма, между тем как в излагаемом понимании вопроса миграционным явлениям следует противопоставлять явления интерпортантной трансмиссии, а вернее, рассматривать их в единстве как два способа движения явлений культуры в пространстве.

Археологическое суждение о культурных и этнических взаимодействиях ограничено характером археологических источников. В этом аспекте задачей исследования является выделение двух групп археологических типов: одних — отражающих движение явлений культуры, вызванное миграцией их носителей, и других — отражающих передачу культуры посредством интерпортантной трансмиссии, представленной в большинстве случаев обменом культурными явлениями. Очевидно, что такое разграничение возможно лишь при условии применения исторических (этнографических) моделей миграционных и обменных связей.

В начале миграционного процесса мигранты переносят основной массив собственных традиций, который может соответствовать всей культуре этноса, если последний мигрирует целиком. При многоэтапной миграции конца миграционного движения достигает лишь ограниченное число явлений культуры, перемещавшихся вместе с их первоначальными носителями. Вместе с тем свидетелем миграции могут оказаться явления, отсутствовавшие на территории прародины и заимствованные (опять-таки интерпортантным путем) мигрантами на пути их перемещения в иных социокультурных средах. Эти исторические обстоятельства находят выражение в исходной и конечной неидентичности состава археологических типов³, рассматриваемых при реконструкции предполагаемых миграционных процессов. Указанное обстоятельство опровер-

гает умозрительно сконструированный «критерий локальности» (термин Дж. Дица) археологических культур, сопоставляемых с целью выявления миграционных процессов. Для реконструкции миграций велись поиски «этнизирующих признаков». В качестве этнизирующих признаков предполагались то конструкция погребальных сооружений, то орнаментация керамики и т. п. Бездоказательность поиска универсальных этнизирующих признаков археологической культуры была отмечена рядом исследователей⁴.

Попытку усовершенствовать метод этнизирующих признаков предпринял Г. Чайлд, называвший этнизирующие признаки «диагностическими типами» археологической культуры. Им были предложены такие условия выделения диагностических типов, как относительная независимость «диагностического» явления от уровня и характера хозяйственно-технологического развития общества, его сочетание с другими слабо детерминированными признаками, рассмотрение диагностического типа в хронологических и территориальных границах определенной археологической культуры, т. е. с учетом всех других категорий артефактов, выделение археологической культуры на основании нескольких сопряженных диагностических типов и т. д. Г. Чайлд по существу обосновывал методику выделения археологических культур, однако при этом механистически отождествлял археологическую культуру и этнос⁵.

В действительности установление этнических признаков археологической культуры должно основываться на внеархеологических критериях. К этому следует добавить, что виды (группы) этнических признаков археологической культуры (так же как и культуры этнографической) изменяются в зависимости от исторических типов культуры: изменение типа культуры может привести и к смене видов этнических признаков. В качестве важнейшего этнического признака культуры нужно также отметить статистическую характеристику способов соединения явлений культуры в культуре конкретного этноса, их количественные соотношения.

В отличие от миграционного перемещения в процессе интерпортантной трансмиссии культуры передается не весь массив культуры донора, а лишь та его часть, которая является для реципиента либо жизненно важной с утилитарной точки зрения, либо престижной. Передача интерпортантным путем престижных явлений культуры с их последующим превращением в процессе аккультурации в утилитарные хорошо прослежена в этнографии разных регионов земного шара, в частности на Кавказе⁶. Для эпохи древности в передаче посредством обмена (интерпортантная трансмиссия) преобладали сырье, пищевые продукты, украшения, предметы роскоши и в целом изделия высокой стоимости и их меновые эквиваленты, реже — производственные навыки. При большой разнице в хозяйственной специализации обменивавшихся обществ интенсивность обменных связей была высокой. Напротив, значительная часть явлений так называемой бытовой народной культуры (непрестижные детали костюма, жилище, утварь, в том числе определенные категории посуды и др.), по-видимому, передавалась путем обмена лишь в исключительных случаях или передавалась медленно между контактировавшими длительное время ареалами культур (речь идет о взаимодействии культур, в которых представлены функционально эквивалентные явления, выраженные различными формами).

Таким образом, выяснение связей между различными регионами на археологическом материале в основном сводится к двум последовательным процедурам: 1) отделение аналогичных элементов артефактов от аналогичных типов артефактов (для последних должна предполагаться моноцентричность происхождения) в сравниваемых регионах; 2) выделение на основе внеархеологических критериев в группе сравниваемых археологических типов предположительно моноцентрического происхождения двух подгрупп типов, одна из которых могла быть передана в процессе обменной (интерпортантной) трансмиссии явлений культуры, а другая перенесена вместе с миграцией носителей. Основанием для такого разграничения могут служить вышеуказанные сообра-

жения. Следует полностью осознавать изменчивость устанавливаемых оснований исследования в зависимости от конкретно-исторических условий существования объекта, тем более что этнос и соответственно миграционный процесс предстает перед археологом лишь в одном из своих основных аспектов — в аспекте культуры, к тому же культуры археологической, а не этнографической. Однако указанные предпосылки находят многочисленные подтверждения не только в этнографическом материале, но и в немалом количестве археологических комплексов, отражающих миграции, засвидетельствованные письменными источниками. Рассмотрение этих фактов показывает, к примеру, что появление гиксосов в Египте и занятие ими Дельты археологически фиксируется возникновением городищ подпрямоугольного плана с округленными углами и возведенными на валах стенами, погребальными сооружениями из кирпича, типологическим рядом специфической керамики Телль эль Яхудийя, специфической типологией кинжалов и коротких мечей. Иммиграция амореев в Палестину в конце III тысячелетия до н. э. археологически проявляется в таких признаках, как синхронные слои пожарищ в Иерихоне, Библе и др. и распространение новых погребальных обрядов. Иммиграция одного из «народов моря» — филистимлян в Палестину ознаменовалась пожарами на различных поселениях, которые перекрываются слоями с характернейшим типологическим комплексом керамики, являющейся бесспорным дериватом микенских прототипов⁷. Число аналогичных примеров может быть значительно увеличено.

При реконструкции миграционных процессов за выделением археологических типов, отражающих явления культуры, вероятность передачи которых посредством интерпортантной трансмиссии минимальна, должен следовать анализ, исходящий из критерия хронологического и территориального стыка сравниваемых археологических культур. Данный критерий предполагает, что материнская, или исходная культура, порождающая предполагаемую культуру мигрантов, должна иметь с ней стык во времени. Таким же образом порождающая культура должна иметь цепочку территориальной связи посредством промежуточных памятников либо взаимоналагающиеся ареалы с мигрантной культурой. При применении критерия хронологического и территориального стыка необходимо учитывать три существенные поправки: 1) на различную степень изученности отдельных регионов и археологических культур, вследствие чего пространственный и иногда временной стыки являются весьма относительными, а в ряде случаев могут и не прослеживаться; 2) на различную скорость и расстояние миграций, поскольку при значительной интенсивности передвижений мигранты могли не оставлять археологических следов на своем пути; 3) на характер археологических остатков в зависимости от хозяйственных и бытовых особенностей мигрирующей культуры (например, ряд иммиграций кочевников-семитов в Месопотамию не фиксируется наличными археологическими источниками).

Таким образом, сам тип миграции оказывает определяющее влияние на возможность его реконструкции при анализе археологических источников. Миграции различных типов оставляют свои специфические следы в археологических памятниках⁸. Например, миграция скифов во время их завоевательных походов в Переднюю Азию в VII в. до н. э. являлась по существу переселением преимущественно мужского населения (если доверять рассказу Геродота), которое стояло на более низком уровне развития культуры по сравнению с населением завоеванных областей. Соответственно данному типу миграции в погребениях Мингечаура, вероятно, отразивших это завоевательное переселение, засвидетельствовано изменение труположения и набора вооружения (т. е. мужских предметов), тогда как остальной комплект археологических типов свидетельствует о развитии традиций местной культуры, в которую были интегрированы завоеватели. Другую картину можно наблюдать при рассмотрении иммиграции урартов (биайнцев) в Араратскую долину, которая достаточно хорошо документирована как письменными, так и археологическими свидетель-

ствами. Эта иммиграция имела место в результате завоевания Араратской долины (старана 'Аза, она же — Уаза, урартских источников) урартским (биайнским) царем Аргишти I в конце 780—770-х годов до н. э. и включения страны Уаза в состав урартской империи. Биайнцы с самого начала переселения выступали на территории страны Уаза в качестве господствующего этноса-класса, перенесли сюда не только социальные институты, но и весь комплекс материальной и духовной культуры. Перенесенная миграционным путем биайнская культура, будучи по отношению к культуре покоренного этноса более высокой, элитарной и, следовательно, престижной, ассимилировала не только культуру оставшейся на месте части уазайского населения, но и культуру насильно переселенных сюда Аргишти I с берегов Верхнего Евфрата хаттов и цупанийцев. При этом сами биайнцы (урарты), по-видимому, так и не составили большинства населения Араратской долины. Ассимилировав в основном культуры покоренных этносов, биайнская культура Араратской долины вместе с тем интегрировала в себе некоторые явления этих культур (культ бога Иварши и др.). Переселение биайнской этнической группы вследствие завоевания, отразилось в памятниках Араратской долины в виде кардинальной замены комплекса археологических типов.

При реконструкции миграционных процессов по данным археологических источников необходимо учитывать в типологии миграций и их социально-формационную обусловленность. Миграции доклассовых этнических групп должны отражаться в археологических источниках иначе, чем миграции этносов, стоявших на уровне раннеклассового общества либо достигавших этого уровня в результате самой миграции. Причина этих различий заложена в разнице способов взаимоотношений между этносами в доклассовом и раннеклассовом обществах. Земледельческая или скотоводческая община доклассового общества моноэтнична. Моноэтнично ее поселение или территория расселения, моноэтничен могильник. Весь комплекс внутриобщинного производства, распределения и потребления существует в рамках этой моноэтничности. Миграции доклассовой эпохи приводили к столкновению и соседствованию различных этносов, которые были организованы (наряду с племенной, родовой и иной организациями) в моноэтничные общины. Межэтнические контакты проявлялись в виде связей между внутренне моноэтничными общинами. В условиях раннеклассового общества моноэтничность общины разрушается под воздействием миграции. Мигранты включаются в процесс распределения, потребления, а иногда и производственной деятельности данной общины, образуя в случае завоевания господствующий этнос-класс и не смешиваясь с покоренным этносом (типичный пример — спартиаты и илоты) либо непосредственно интегрируясь с покоренным этносом в новосозданном обществе и превращаясь в его господствующий класс (норманнское завоевание Англии, происхождение многих древнейших армянских княжеских — нахарарских родов и т. д.). Завоевание одним доклассовым этносом другого доклассового этноса в условиях возникновения единого социально-экономического организма могло явиться достаточным фактором для формирования классового общества. Таким образом, выделяя при сравнительном археологическом исследовании поселений и могильников доклассовой эпохи этнизирующие признаки, можно предположить их принадлежность одному этносу. Тогда как поселения и могильники раннеклассовой эпохи могли быть оставлены совместно проживавшими группами различных этносов. В таком случае необходимо вводить дополнительную дифференциацию этнизирующих признаков, модели миграций соответствующих типов, представление об элитарной и народной культуре и т. п.

Анализ материальных следов миграций, отмеченных письменными источниками, явственно указывает, что миграция группы людей в бронзовом и раннем железном веке может быть постулирована в том случае, если выделяются две или три группы типов археологических артефактов, функциональная взаимозависимость между которыми представляется отсутствующей или слабой.

Таким образом, с целью аргументации выводов должна предполагаться и выявляться пространственно-временная трансмиссия двух и более независимых друг от друга типологических групп артефактов. Эти группы должны соответствовать критерию неинтерпортантности типа и с вышеуказанными поправками критерию хронологического и территориального стыка.

Мигрантная культура может быть открыта и без выявления порождающей материнской культуры, т. е. без применения критерия хронологического и территориального стыка. Однако направление и другие параметры таких миграций остаются неизвестными, а в основе открытия мигрантного характера той или иной типологической группы оказывается методически неразработанная, исключительно сложная реконструкция взаимодействия традиций и инноваций в локально-исторической культуре, отраженной археологическими источниками. И в данном случае критерий интерпортантности полностью сохраняет свое значение. При таком подходе миграция может постулироваться в том случае, если тот или иной неинтерпортантный археологический тип выходит за пределы инновационных возможностей, реконструируемых для конкретной археологической культуры.

Древние культуры существенно отличались друг от друга по показателям уровней традиционности и инновационности. Глубоко традиционные культуры порой переживали «взрывы» внутренних инноваций. В этом отношении показательна типологическая картина куро-араксской (шенгавитской) культуры раннего бронзового века Армянского нагорья и Кавказа. Типологический репертуар ее раннего этапа весьма ограничен. На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. и в первой трети III тысячелетия до н. э. произошел «взрыв» внутренних инноваций, приведший к многократному увеличению набора типов и появления новых типологических групп и категорий. За периодом инновационного взрыва наступила эпоха традиционализации, во время которой исчезает ряд инновационных типов предшествующего периода и появляются типы, происхождение которых может быть связано с внешними влияниями. Взрывы внутренних инноваций способствовали дроблению культур на локальные варианты⁹.

Реконструкция взаимодействия традиции и внутрикультурной инновации, т. е. выявление потенциальной возможности возникновения инновационных форм, может строиться в ином варианте, на базе анализа взаимоотношений археологических типов с образующими их элементами артефактов. Можно предположить, что рекомбинация присутствующих в конкретной археологической культуре в данный промежуток времени археологических элементов в новый тип соответствует внутренним инновационным возможностям локально-исторической культуры. Таким же образом появление отдельного нового археологического элемента артефакта, включенного в тип, образованный другими традиционными элементами, можно при определенных условиях считать результатом местной инновации. Однако присутствие нового типа, образованного несколькими новыми элементами, скорее может рассматриваться в качестве свидетельства миграционной трансмиссии культуры (при условии соблюдения критерия неинтерпортантности типа), т. е. как результат появления группы иммигрантов.

Так, при раскопках поселения Мохраблур близ Эчмиадзина в Араратской долине, являющегося памятником шенгавитской (куро-араксской) культуры, в III и IV строительных горизонтах (около 2800—2500 гг. до н. э.) обнаружена группа типов керамики, не известной в предшествующих горизонтах, ее анализ выявляет ряд новых взаимосвязанных и неизвестных прежде элементов. Эта керамика сопровождается появлением плоских, иконографически специфических женских символических статуэток и наглядным переходом от преобладания круглопланового домостроения к преобладанию прямоугольной планировки. В этом случае имеются два основания предполагать миграционную трансмиссию указанных неинтерпортантных типов, хотя прародина данной миграции,

т. е. материнская культура, пока что только разыскивается. Вполне вероятным представляется многоступенчатый характер иммиграции этого культурного комплекса.

Преобладающая прямоугольная планировка домов могла быть привнесена с близлежащих поселений того же локального варианта шенгавитской культуры или из ареала другого локального варианта той же культуры. Керамические типы могли переместиться из соседнего локального варианта или из соседней археологической культуры, тогда как своеобразная глиняная пластика могла быть обязана своим происхождением даже другим культурно-историческим общностям (палеокультурным областям). Однако факт одновременного появления этих мало зависящих друг от друга типологических групп в одном горизонте поселения, возникшего единовременно в результате деятельности одной общины, вероятно, исключает интерпортантный характер перемещения данных типов и позволяет предположить иммиграцию носителей культуры Мохраблур III с территории распространения иного (возможно, соседнего) локального варианта куро-араксской (шенгавитской) культуры. Таким образом, в этом случае реконструируемый миграционный процесс не сформировал той картины дискретности, которая соответствует смене одной археологической культуры другой. Он обусловил лишь переход от одного культурно-хронологического этапа к другому в рамках одной археологической культуры.

Данный способ выявления мигрантной культуры, основанный на реконструкции взаимоотношений традиции и инновации в конкретной культуре, является вспомогательным. Однако не определяя направления миграций, он может быть полезен для постулирования таковых в неолите, энеолите и бронзовом веке, поскольку большинство материнских культур этих эпох пока что остается недостаточно изученным.

Рассмотренные выше предпосылки явились отправной точкой для исследования на материалах археологии культурных и этнических взаимодействий в древности, в данном случае взаимодействий между Армянским нагорьем и Кавказом, с одной стороны, и Юго-Восточной и Центральной Европой — с другой. Здесь излагаются некоторые итоги проведенного исследования.

В эпоху переднеазиатского неолита, халколита и начала раннего бронзового века (т. е. приблизительно до второй четверти III тысячелетия до н. э.) общность культур Армянского нагорья, Южного Кавказа и Балканского полуострова пока что устанавливается лишь на уровне отдельных археологических элементов артефактов. Эти элементы выявляются в керамическом комплексе, тогда как литический материал недостаточно изучен для сравнений в рассматриваемом аспекте. Аналогичность элементов установлена при сопоставлении керамики, известной под названием «Dalma Impressed Ware» или «Dalma Surface Manipulated Ware» с «барботинным» керамическим комплексом периода Пресекло. Выявляются и сходные элементы строительной техники (цоколи ортостатной кладки) слоя М поселения Геой-тепе близ оз. Урмия и памятников периода Сескло в Греции¹⁰. В данных сравнениях очевиден значительный хронологический разрыв между аналогичными элементами археологических типов рассматриваемых регионов. Выявляются и некоторые другие аналогичные элементы в керамике: черное лощение наружной поверхности сосудов, имеющих черепок розового цвета, пятнистый обжиг посуды и т. д. Часть этих элементов засвидетельствована на территории Малой Азии, которая могла быть необходимым связующим регионом. Однако современное состояние источниковедческой базы не позволяет прийти к определенному выводу относительно конвергентного возникновения указанных аналогичных элементов или их трансмиссии миграционным либо обменным путем.

Иная картина наблюдается во второй и третьей четвертях III тысячелетия до н. э. В то время в развитие местных культур Армянского нагорья и Кавказа внезапно вклинивается ряд сложившихся археологических типов, характерных не только для Балкан, но и для Центральной и даже Западной Европы.

При этом данные типы артефактов не могут рассматриваться ни как престижные, ни как утилитарно необходимые элементы культуры. Это означает, что следует предположить их перемещение неинтерпортантным путем, т. е. считать принесенными вместе с мигрировавшей группой населения. Наиболее характерные типы этой группы представлены каркасно-глинобитными домами простого прямоугольного или магаронного плана. Их стены были образованы жердями, оплетенными прутьями и покрытыми глинобитом. Подобные дома характеризуют древнейшую домостроительную традицию Юго-Восточной Европы на протяжении нескольких тысячелетий, начиная с докерамического неолита Фессалии. Во второй четверти III тысячелетия до н. э. традиция каркасно-глинобитного домостроения внезапно вторгается в чуждую ей среду Армянского нагорья и Южного Кавказа. Движение этих типов через Малую Азию документируют раскопки Дундартепе в Понте ¹¹. Приблизительно синхронно данной трансмиссии типов выявляется общность группы элементов керамики финальной фазы Винчи и куро-араксской (шенгавитской) культуры. В ту же эпоху наблюдается появление на Армянском нагорье и Южном Кавказе характерного для Юго-Восточной Европы и Западной Малой Азии типа металлических предметов (плоские, очень вытянутые тесла) ¹².

Передвижению типов миграционным путем, по-видимому, сопутствовала трансмиссия артефактов из Малой Азии на Армянское нагорье путем торгового обмена. Свидетельством тому могут служить единичные предметы из оловянистой и мышьяковисто-оловянистой бронзы, относящиеся к поздним этапам развития шенгавитской культуры ¹³. Строители каркасно-глинобитных домов принесли с собой на Армянское нагорье и Южный Кавказ также и определенные реконструируемые формы социальной организации и идеологии. О последних свидетельствует распространение культа мужского божества, главным атрибутом которого являлось серповидное орудие (или, быть может, оружие), носимое на плече. На это указывает хронологическое соотношение скульптуры «бога с серпом» культуры Тиса из Сегвар-Тюзкевеша (Венгрия), золотой модели того же серповидного символа власти из Варненского могильника (Болгария) и магической глиняной статуэтки из Арича (Армения) ¹⁴. Территориальный стык между серповидными символами Юго-Восточной Европы и Армянского нагорья отчасти обеспечивают более поздние хеттские рельефы Язылика (Анатолия), изображающие шествие с подобным оружием. Рассмотренное миграционное перемещение культурных явлений во второй — третьей четверти III тысячелетия до н. э. сопровождалось синтезом местной и пришлой культур на территории Армянского нагорья и Южного Кавказа.

Интерпортантная трансмиссия явлений культуры в форме торгового обмена или передачи производственных навыков, но развивавшаяся в другом направлении, отчетливо прослеживается в том влиянии, которое оказывала кавказская металлургия на металлообработку Восточной Европы в III тысячелетии до н. э. Металл Армянского нагорья и Кавказа завоевывает в эту эпоху обширные пространства между Волгой и Днестром ¹⁵.

Таким образом, можно предположить, что в середине и второй половине III тысячелетия до н. э. взаимодействие культур Армянского нагорья, Южного Кавказа и Балкано-Дунайского региона имело преимущественно характер миграционной трансмиссии явлений культуры, которая происходила при движении мигрантов с запада на восток через Малую Азию. Не исключена миграционная трансмиссия и в обратном направлении — с Северного Кавказа через юг Восточной Европы в Подунавье.

В первой половине II тысячелетия до н. э. взаимодействие культур Армянского нагорья, Южного Кавказа и Юго-Восточной Европы характеризуется такими археологическими типами, которые преимущественно отражают усиление обменных связей. В этом отношении показателен типологический состав археологических культур триалетского круга, которые были распространены на территории Восточной Грузии и большей части Армянского нагорья. Однако и в этой

культуре представлены некоторые типы артефактов (например, сосуды, украшенные коническими сосцевидными выступами, окруженными вдавленными концентрическими окружностями), которые могли попасть из Южной Европы или Западной Малой Азии на Южный Кавказ лишь вместе с мигрировавшими носителями¹⁶. Кроме этого, быстрая смена различных археологических культур среднего бронзового века на Армянском нагорье и Южном Кавказе указывает на существенные миграционные процессы.

В процессе культурного и этнического взаимодействия Европы с Армянским нагорьем и Кавказом миграционная трансмиссия элементов культуры переходила в интерпортантную, а интерпортантная в миграционную. Обе они сосуществовали и дополняли друг друга, хотя в отдельные периоды преобладающей была то одна, то другая форма передачи.

Обрисованная панорама этнических и культурных взаимодействий со всей очевидностью выявляет упрощенческую суть господствующих в исторической науке представлений о древних миграциях. Анализ отмеченных выше фактов показывает, что в древности миграции населения непрерывно происходили на территории Европы и Западной Азии, в том числе на Армянском нагорье и Кавказе. Однако большинство этих миграций не прерывало развития культуры и не вело к полной смене населения. В большинстве случаев, по-видимому, имел место культурный синтез и слияние этнических групп. Лишь немногие миграции вызвали кардинальную смену аборигенного населения пришлым этносом и разрыв в основном комплексе культурных традиций.

Примечания

¹ Понятие «признак», определяемое как любое свойство предмета или явления, которое выделено и записано каким-либо способом (*Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А.* Анализ археологических источников. М., 1975. С. 19), получило право гражданства и широкое распространение в археологической литературе. В ряде публикаций мы также использовали данный термин именно в этом смысле. Однако археологическое толкование «признака» значительно отличается от общеупотребительного, в том числе и научного, толкования смысла этого слова. В общеупотребительном смысле под «признаком» понимается некое свойство, позволяющее выделить определенный предмет, объект среди других предметов или явлений, т. е. «признак» включает в себя понятие специфичности. Необходимость раскрытия специфики объектов в археологических классификациях привела к появлению таких нестрогих понятий, как «диагностическая категория» или «диагностический признак» (полисемантизм заключается именно в прилагательном «диагностический»). В свое время вместо понятия «признак археологического артефакта» нами было предложено понятие «элемент археологического артефакта» (*Аресян Г. Е.* К выделению раннеземледельческих культур Армянского нагорья и Южного Кавказа // *Каменный век Средней Азии и Казахстана*. Ташкент, 1972. С. 57—58), которое рассматривалось как полный синоним вышеупомянутого археологического определения «признака». При этом за понятием «признак» закрепляется смысл специфичности. Практика археологического источниковедения настоятельно требует дифференцированного использования этих двух понятий. Таким образом, «элемент археологического артефакта» — это любое свойство археологического артефакта, выявленное и зафиксированное каким-либо способом, которое является наименьшей, неделимой операциональной единицей археологической классификации, тогда как «археологический признак» есть специфическое свойство или комплекс таких свойств, выделяющий археологический объект или их группу из совокупности рассматриваемых объектов. Именно в этом смысле мы употребляем понятия «Элемент артефакта» и «археологический признак» в настоящей статье.

² *Клейн Л. С.* Археологические признаки миграций (Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1973. С. 13; *Мерперт Н. Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита // *Сов. археология*. 1978. № 3. С. 9—28; *Титов В. С.* К изучению миграций бронзового века // *Археология Старого и Нового света*. М., 1982. С. 89—145.

³ *Клейн Л. С.* Указ. раб. С. 7—8.

⁴ См., например: *Кнабе Г. С.* Вопрос о соотношении археологической культуры и этноса в современной зарубежной литературе // *Сов. археология*. 1959. № 3. С. 248—249.

⁵ *Childe V. G.* Piecing Together the Past. L., 1956. P. 111—113.

⁶ См., например: *Дмитриев В. А.* О проникновении в быт кавказских народов «высокого стола» (к вопросу о действии механизма заимствований) // *Сов. этнография*. 1979. № 6. С. 97—99.

⁷ *Титов В. С.* Указ. раб. С. 89—145.

⁸ См., например: *Дьяконов И. М.* Типы этнических передвижений в ранней древности (с конца IV по начало I тыс. до н. э.) // *Древний Восток*. Ереван, 1983. Вып. 4. С. 8, 9—11.

⁹ *Аресян Г. Е.* Культурный традиционализм на примере куро-араксской культуры // *Преемственность и инновации в развитии древних культур*. Л., 1981. С. 51.

- ¹⁰ Young T. C. J., Levin L. D. Excavations of the Godin Project: Second Progress Report // Royal Ontario Museum. Occasional Paper, Art and Archaeology. 1974. № 26. P. 2—4, 10, 11, 64—67; Нариманов И. Г. Раскопки энеолитического поселения Иланлы-тепе // Археологические открытия 1968 г. М., 1969. С. 396—397; Титов В. С. Неолит Греции. М., 1969. С. 112—114, 116.
- ¹¹ Georgiev I. G. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien) // L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Praha, 1961. P. 73—86; Duru R. Keban Project Degirmen-tepe Excavations 1973 // Middle East Technical Univ., Keban Project Publications. Ser. III. № 2. Ankara, 1979. P. 69—70, 73—74; Hauptmann H. Die Grabungen auf dem Norsun-Tepe, 1973. Bericht über die 6. Kampagne // Türk Arkeoloji Dergisi. XXIII/1. 1976. S. 69. Fig. 29—31; Джавахишвили А. И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973. С. 113—149, 336.
- ¹² Deshayes J. Les origines de la métallurgie danubienne // Acta Archaeologica. Academia Scientiarum Hungaricae. T. XII. Fasc. 1—4. P. 72, 74; Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О. Приереванский клад древней бронзы // Кр. сообщ. Ин-та археологии. М., 1973. Вып. 134. С. 122—123; Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. Т. I. С. 13—15.
- ¹³ Геворкян А. Ц. Из истории древнейшей металлургии Армянского нагорья. Ереван, 1980. С. 48—71.
- ¹⁴ Csalog J. Das Krummschwert des Idols von Szegvar-Tuzköves // Acta Archaeologica, Academia Scientiarum Hungaricae. T. XII. Fasc. 1—4. S. 57—68; Титов В. С. Поздний неолит // Археология Венгрии. Каменный век. М., 1980. С. 356; Хачатрян Т. С. Древняя культура Ширака. Ереван, 1975. Рис. 37.
- ¹⁵ Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1966. № 132. С. 86—87; Геворкян А. Ц. Указ. раб. С. 51.
- ¹⁶ Арешян Г. Е. Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века // Сов. археология. 1973. № 4; Джапаридзе О. М., Киквидзе И. А., Авалишвили Г. Б., Ивертели А. Т. Результаты работ Месхет-Джавахетской археологической экспедиции. Тбилиси, 1981. Табл. IV (на груз. яз.); Dumitrescu V. Arta preistorica in Romania. București. 1974; Kovacs T. Die Bronzezeit in Ungarn. Budapest, 1977. S. 105—106. Fig. 41, 53; Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966. Fig. 52.

В. П. Орфинский

ВЕКОВОЙ СПОР. ТИПЫ ПЛАНИРОВКИ КАК ЭТНИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК

(на примере поселений Русского Севера) *

Вопрос, послуживший поводом для настоящей статьи, возник столетие назад, когда русские краеведы-этнографы впервые обратили внимание на «беспорядочный облик» поселений финноязычных народов Европейского Севера, отличный от более регулярного облика северорусских деревень. Именно тогда на основании непосредственных зрительных впечатлений и сложилось мнение, что «беспорядочность» — финская особенность планировки, являющаяся «этническим признаком»¹. Более того, исследователи в первой половине XIX столетия (например, М. В. Едемский, К. К. Романов, Р. М. Габе) даже выделяли «финский» и «русский» типы планировки, связывая возникновение последнего с первоначальной новгородской колонизацией Севера. Правда, во второй половине XX в. возможность такой связи опроверг вначале М. В. Витов², а затем В. В. Пименов, утверждавший, что конкретно-исторический подход к изучению формы поселений не дает возможности рассматривать «беспорядочную» планировку как общий для финноязычных народов Европейского Севера признак, свидетельствующий об их культурном родстве, потому, что многодворные поселения появились только в конце XVI — начале XVII в.³

Такая точка зрения отнюдь не бесспорна, ибо основана на несколько упрощенной трактовке понятия «традиции» как «передачи по наследству» готовых сложившихся форм, а не закреплении в народном сознании определенных прин-

* Печатается в порядке обсуждения.